

A man with long dark hair and a beard, wearing a golden crown and ornate golden and blue robes, is seated at a desk. He is looking down at a large, open book with his hands resting on the pages. The background is a richly decorated room with a painting on the wall and a golden lion sculpture on a ledge.

АЛХИМИК ТИШИНЫ

Радик Яхин

Радик Яхин

АЛХИМИК ТИШИНЫ

«Автор»

2026

Яхин Р. С.

Алхимик тишины / Р. С. Яхин — «Автор», 2026

Франция эпохи Людовика XIV — мир ослепительного блеска Версаля и смертельно опасных тайн. В сердце этого мира, в тихой мастерской среди галерей королевского дворца, трудится Этьен де Монфор — глухонемой переплетчик, чьё искусство превращает книги в сокровища. Лишённый слуха, он обрёл иной дар: видеть то, что скрыто от других, читать по губам языки двора и улавливать вибрации мира через прикосновения. Однажды в его мастерскую входит королевский гвардеец с таинственным поручением: переплести небольшой фолиант — личную вещь Его Величества. Этьен понимает: это не просто заказ, а ловушка. В потрёпанной книге, завернутой в грубый холст, он узнаёт дневник казнённого фаворита Сен-Мара — документ, способный потрясти основы власти. Теперь Этьен не просто мастер. Он — невольный свидетель, втянутый в паутину дворцовых интриг.

© Яхин Р. С., 2026

© Автор, 2026

Радик Яхин

АЛХИМИК ТИШИНЫ

Воск в желтой свече плавился медленно, как и полагается дорогому воску из Байи, и капал на медную подставку идеальными круглыми слезами. Этьен ловил ритм этого падения кожей, тонкой вибрацией, передававшейся через верстак, на котором лежал раскрытый томик Вольтера в кожаном переплете, еще пахнущий свежим клеем и ореховой морилкой. Его пальцы, исчерченные тончайшими белыми шрамами от ножа и иглы, проверяли прочность шва на корешке, читали его, как слепой читает брайлевские буквы. В мастерской, притулившейся в одной из дальних галерей Версаля, где гул придворной жизни доносился лишь глухим, сдавленным гулом сквозь толстые стены, царил его единственный повелитель – Тишина. Вернее, ее подобие. Настоящая тишина, та, что была у него в голове, была абсолютной, бездонной и черной. А здесь жили ее тени: мягкое шуршание переворачиваемого пергамента, сухой шепот волосяной кисти, наносящей позолоту на обрез, едва уловимый скрип его собственного стула. Он любил этот час, предвечерний, когда длинные тени от высоких шкафов, набитых книгами в коже и бархате, превращали мастерскую в лабиринт из света и мрака. В этот час он был не слугой, не ремесленником, но алхимиком, превращавшим бумагу и кожу в драгоценные реликвии. Этьен де Монфор, глухонемой от рождения, королевский переплетчик. Он никогда не слышал ни своего имени, ни грома пушек на празднествах, ни шелеста платьев фавориток. Он слышал глазами. Его мир был миром движений: трепет ресниц, дрожь в уголках губ, игра мускулов на шее. Он читал по губам на трех языках: французском, латыни и итальянском, и делал это так мастерски, что часто забывал о своем недостатке те, кто с ним общался, переходя на быструю, скомканную речь, которую он все равно ловил и разбирал по косточкам, как хищная птица. Он был идеальным слугой – немым, внимательным и незаметным, как тень на паркете. Но тени, как известно, видят то, что скрыто от света. Дверь в мастерскую открылась без стука – звука он не услышал, но уловил движение воздуха, заставившее пламя свечи дрогнуть, и тень, упавшую на раскрытую книгу. Этьен поднял голову. На пороге стоял человек в ливрее королевского гвардейца, но поза, взгляд выдали в нем не простого слугу. Губы у него были тонкие, бледные, сложенные в привычную гримасу презрения. Этьен встал, опустив глаза в знак почтения, но не переставая наблюдать. Гвардеец оглянулся, убедился, что в длинной галерее никого нет, и шагнул внутрь, прикрыв за собой дверь. Его губы зашевелились. «Мастер Этьен?» Этьен кивнул, сделав быстрый, извиняющийся жест рукой ко рту и ушам, а затем указал на лист пергамента и чернильницу, всегда стоявшие на краю верстака. Гвардеец пренебрежительно махнул рукой. Он говорил медленно, отчетливо артикулируя, и Этьен читал с легкостью. «Его Величество желает переплести кое-что. Личную вещь. Не книгу. Маленький фолиант, дневникового характера. Работа тонкая, без суеты. И без лишних глаз». Губы растянулись в подобие улыбки, в которой не было ни капли тепла. «Вы понимаете? Доверяете лишь вам. Вашей... дискретности». Этьен снова кивнул, его сердце забило чуть чаще. Работа для короля лично – большая честь, но манера, в которой ее предлагали, отдавала тайной, а тайны при дворе Людовика XIV редко бывали безобидными. Гвардеец вынул из-под плаща плоский, завернутый в грубый холст сверток и положил его на верстак рядом с Вольтером. «Придете завтра в покои первого камердинера. В четыре. Вам покажут место и дадут инструкции. Работать будете там. Принесете свои инструменты». Он снова оглянулся на дверь, его губы сжались. «И ни слова. Даже если бы вы могли, вам не следовало бы говорить». Этьен опустил голову в согласии, но его глаза скользнули к холсту. Что за фолиант такой, что его нельзя отдать в мастерскую? Гвардеец повернулся к выходу, затем на мгновение замер, его взгляд упал на полку с готовыми работами: на роскошные молитвенники, сборники стихов, труды по философии. «Вы многое видите здесь, в своей тишине, мастер», – прошелестели его губы, почти беззвучно, но Этьен поймал каждое

движение. «Интересно, понимаете ли вы все, что видите». И, не дожидаясь ответа, которого не могло быть, он вышел, бесшумно закрыв дверь. Этьен долго смотрел на холстяной сверток, не решаясь прикоснуться. Пламя свечи отбросило на него дрожащую тень, и на мгновение ему показалось, что сверток пульсирует, как живое сердце. Тишина вокруг сгустилась, стала тягучей, зловещей. Он протянул руку, развернул холст. Под ним лежала небольшая, размером с ладонь, книга в потрепанном кожаном переплете, без каких-либо опознавательных знаков. Кожа была потерта, замшелая на ощупь. Он осторожно открыл ее. Страницы были исписаны густым, сбивчивым почерком, чернила в некоторых местах выцвели, в других – расплылись от влаги. Он не стал вчитываться – это было не его дело. Его дело было переплести, сохранить, спрятать. Но одно слово, мелькнувшее на первой странице, заставило его кровь похолодеть. Слово было «Сен-Мар». Фаворит. Казненный заговорщик. Прошрое, которое Его Величество предпочитало забыть. Этьен быстро захлопнул книгу, завернул ее обратно. Его пальцы дрожали. Он был пойман. Пойман не звуком, а смыслом. Он уже не просто переплетчик. Он – свидетель. И при дворе Солнца свидетели часто горели, как мотыльки, на его блистательном, беспощадном пламени.

В четыре часа следующего дня Этьен стоял у дверей покоев первого камердинера, Бонтана, с небольшим дубовым ящиком инструментов в руках. Его провел тот же гвардеец, молча, лишь жестом указав путь через лабиринт служебных коридоров, куда редко ступала нога придворных. Воздух здесь пахл пылью, воском и сухими травами. Дверь открылась, и Этьена впустили в небольшую, слабо освещенную комнату, больше похожую на чулан, примыкавший к роскошным апартаментам. Здесь стоял простой стол, стул и высокая этажерка с кипами бумаг. За столом сидел Бонтан, коренастый мужчина с умным, усталым лицом. Его губы двигались размеренно, без суеты. «Мастер Этьен. Садитесь. Вот ваш объект». Он указал на лежавшую на столе ту самую маленькую книгу. «Вам нужно аккуратно снять старый переплет, очистить корешок, укрепить страницы и заключить их в новую обложку. Самую простую, без украшений. Кожа должна быть качественной, но не привлекающей внимания. Сделайте ее похожей на старую книгу счетов или садовый журнал. Понимаете?» Этьен кивнул, его глаза скользнули по стенам. Комната имела одну любопытную особенность: в стене, отделявшей ее от основных покоев, была решетка, затянутая тонкой тканью цвета обоев. Декоративная вентиляция, или нечто иное? Он разложил инструменты: ножи, иглы, нити из льна, кисти, кусок прекрасной коричневой кожи, уже заготовленной заранее. Работа поглотила его. Руки сами совершали привычные движения: деликатный разрез старой кожи, бережное отделение тетрадей, очистка корешка от старого клея. Это был его мир, мир тактильных ощущений, где он был полным хозяином. Он почти забыл, где находится, пока из-за тонкой перегородки не донесся голос. Вернее, не голос – его Этьен не услышал бы, – а вибрация, заставившая дрогнуть ткань на решетке. Он взглянул туда и увидел тени, двигавшиеся в соседней комнате. Две фигуры. Одна – в пышном парике и камзоле, узнаваемая по манере держать голову даже в полутьме. Герцог д'Омар, влиятельный царедворец, известный своим непомерным честолюбием и ненавистью к новому фавориту, мадам де Ментенон. Вторая фигура была менее отчетлива, но по покрою платья и скромному парик у Этьен определил в нем финансиста, возможно, кого-то из откупщиков налогов. Его сердце замерло. Он не должен этого видеть. Но он не мог оторвать глаз. Губы герцога двигались быстро, яростно. Этьен, отбросив всякую осторожность, придвинулся чуть ближе к стене, сосредоточившись на чтении. «...не потерпит больше. Солнце заходит, хотим мы того или нет. Оно ослеплено этой набожной выскочкой. Армия нищает, казна пуста, а он строит Версаль и воюет со всей Европой...» Финансист что-то отвечал, кивал. Этьен ловил обрывки: «...кредит иссякает... Льеж... поставки оружия... нужно гарантии... наследник...» Слово «наследник» было произнесено с особой отчетливостью. Потом герцог наклонился ближе, и его следующая фраза, медленная, весомая, отчеканилась на его губах так ясно,

будто он выкрикивал ее в тишине Этьена: «Маленький Дофин слаб и болен. Но есть другие... кровь... право...» Финансист резко отшатнулся, его лицо исказилось страхом. Этьен понял. Это был не просто ропот недовольных придворных. Это был разговор об измене. О смещении власти. Возможно, об устранении наследника. Он замер, боясь пошевелиться. Пылинки кружили в луче света от узкого окна, падающего на его неподвижные руки. Он был свидетелем государственной измены. И они, за стеной, даже не подозревали, что за тонкой перегородкой, в комнате глухонемого слуги, их слова читаются, как раскрытая книга. Внезапно дверь в его чулан резко открылась. Вошел Бонтан. Его взгляд сразу метнулся к Этьену, к его бледному лицу, к инструментам, лежавшим нетронутыми уже несколько минут. Потом его глаза скользнули к решетке, где ткань еще колыхалась от недавних голосов. Лицо камердинера стало каменным. Его губы сложились в ледяную улыбку. «Мастер Этьен, вы, кажется, отвлеклись?» Этьен схватил иглу и нить, делая вид, что работает, но его пальцы не слушались. Бонтан подошел к столу, взял в руки одну из уже сшитых тетрадей, будто проверяя качество работы. Его губы, обращенные к книге, прошептали так тихо, что только гений чтения по губам мог бы это уловить: «Тишина – лучший союзник, не так ли? Иногда она бывает смертельной. Закончите работу к утру». И он вышел, оставив Этьена в холодном поту. Теперь он понял все. Его привезли сюда не только для переплета. Его привезли как пробку, как немую мебель, на фоне которой можно говорить самые страшные слова. Но они не учли одного: он не был мебелью. Он был алхимиком тишины, и он только что превратил случайно подслушанный разговор в чистую, смертельную опасность для себя и, возможно, для самого короля. Он должен был сделать выбор: доносить или молчать. Но как доносить, будучи немым? Как крикнуть без голоса? Этьен взглянул на маленькую книгу, на полустертые строки о Сен-Маре, на старый, предательский пергамент. Прошлое и настоящее сплелись в смертельный клубок. И он, переплетчик, оказался в самом его центре. Его инструменты лежали перед ним – ножи, иглы, шила. Орудия ремесла. Или орудия спасения? Он взял в руки самый острый нож, лезвие которого отразило блик угасающего за окном дня. Он должен был закончить работу. А потом начать другую – работу по своему собственному выживанию и разгадке заговора, где каждое прочитанное с губ слово могло стать последним.

Работа над книгой была закончена к рассвету. Этьен не спал. Каждое движение иглы, каждый стежок он совершал с холодной, отточенной внимательностью, но мысли его метались, как пойманные в мышеловку зверьки. Новый переплет получился безупречно невзрачным – потрепанная коричневая кожа, простой тисненый рамтан по краям, никаких гербов, никаких узоров. Книга выглядела как сотни других скучных дворцовых инвентарей. Но внутри нее покоилась взрывчатая смесь старой измены и, как теперь подозревал Этьен, ключа к новой. Он не осмелился читать текст внимательно, но мельком улавливал имена, суммы, намеки на связи при испанском дворе. Эта книга была компроматом, ящиком Пандоры. И теперь он, Этьен, держал его в руках. Бонтан забрал готовую работу на рассвете, молча, лишь кивнув в знак благодарности. Никакой оплаты не последовало – это была «честь», а честь, как известно, не оплачивается. Этьена проводили обратно в его мастерскую. Обычный ритм жизни Версаля уже начинал свой безумный танец: где-то вдалеке, на мраморных лестницах, шуршали шелком дамы, звякали шпоры гвардейцев, но здесь, в его каменном уединении, все было по-прежнему. Только по-прежнему уже ничего не было. Он был отравлен знанием. Каждый взгляд придворного, проходящего мимо открытой двери мастерской, теперь казался испытующим. Каждая случайная улыбка – маской, скрывающей кинжал. Он понимал, что герцог д'Омар и его сообщники, обнаружив, что их разговор мог быть «услышан», не станут разбираться в тонкостях его немоты. Мертвые свидетели надежнее любых, даже самых тихих. Его защитой была лишь его незаметность и полная невозможность сообщить о случившемся обычным путем. Но он должен был предупредить. Но кого? Король? Подступиться к нему немому переплетчику было все

равно что попытаться долететь до Солнца. Обратиться к Бонтану? Но Бонтан, судя по всему, либо в заговоре, либо закрывает на него глаза. Оставался один человек, чья репутация безупречной честности и преданности королю не вызвала сомнений даже в ушах глухого, вернее, в глазах читающего придворные сплетни по губам. Франсуа-Мишель Летелье, маркиз де Лувуа, военный министр, грозный и неподкупный. Он был грозой заговорщиков и честолюбцев. Но как к нему попасть? Этьен разработал план, хрупкий, как паутина. Он вспомнил, что Лувуа, известный библиофил, несколько месяцев назад заказывал переплет редкого трактата по фортификации. Работа была сделана, книгу забрал слуга. Но Этьен, по своему обыкновению, оставил себе тончайшую кальку с золотого орнамента на корешке – образец для будущих работ. Этот узор был уникален. Он решил использовать его как предлог. Взяв кальку и несколько листов лучшего пергамента, он написал (письмо давалось ему тяжело, почерк был угловатым, детским) короткую записку: «Ваше Превосходительство, относительно узора на корешке трактата «Бастионы Фландрии». Требуется Ваше решение. Почтительнейший Этьен де Монфор, переплетчик». Он не мог написать больше, не мог изложить суть – такие письма перехватывались. Он должен был увидеть Лувуа лично. Отправив записку со знакомым пажом, который иногда приносил ему заказы, он погрузился в мучительное ожидание. Два дня прошли в тихом ужасе. Он почти не выходил из мастерской, притворяясь погруженным в срочную работу над молитвенником для одной из дам. Он наблюдал. И на третий день увидел то, от чего кровь отхлынула от его лица. В галерее, прямо напротив его двери, остановилась небольшая группа придворных. Среди них был герцог д'Омар. И он смотрел. Смотрел прямо на Этьена. Не мимо, не скольльзящим взглядом, а пристально, изучающе. Потом он что-то сказал своему соседу, и тот, молодой изящный аббат, тоже повернул голову. На их губах играла легкая, презрительная улыбка. Но в глазах герцога Этьен прочитал нечто иное: холодный, расчетливый интерес хищника, принимающего добычу. Они знали. Или догадывались. Игрище началось. Вечером того же дня паж вернулся с ответом. Не письмом, а устным сообщением, которое терпеливо проговорил губами, глядя прямо в глаза переплетчику: «Мастер Этьен. Его Превосходительство маркиз де Лувуа примет вас завтра в семь утра в своем кабинете в Большом Трианоне. Будьте точны.» Этьен едва сдержал дрожь облегчения и нового страха. Путь был открыт. Но попасть из своих покоев в Трианон, особенно рано утром, когда коридоры относительно пусты, – это было путешествие по минному полю. Он понимал, что за ним могут установить слежку. Его план был прост до безразия. Он встал затемно, взял с собой не только кальку, но и небольшой блокнот для эскизов и карандаш. Его оружием должно было стать притворство. Он вышел из мастерской и направился не в сторону Трианона, а в противоположную – в сторону Королевской библиотеки, как будто собираясь свериться с каким-то образцом. Он шел быстро, но не бежал, его глаза сканировали пространство. В длинной, тускло освещенной галерее, ведущей к оранжереям, он заметил движение у себя за спиной. Тень, отделившаяся от колоннады. Он не оборачивался. Его сердце колотилось. Впереди был поворот. За поворотом – небольшая служебная лестница, редко используемая, ведущая в цокольный этаж, откуда был ход в сеть подвалов и, в конечном счете, к служебному выходу в сторону Трианона. Он знал эти ходы как свои пять пальцев – тишина и одиночество заставляли его изучать закоулки дворца. Сделав вид, что поправляет пряжку на башмаке, он резко свернул за угол и, прижавшись к стене, замер. Через секунду мимо прошел тот самый молодой аббат, который был с герцогом. Его лицо выражало легкое недоумение. Он прошел дальше, к библиотеке. Этьен выждал еще мгновение, затем, как тень, скользнул в дверь на лестницу и исчез в холодном, пахнущем сыростью и плесенью полумраке. Он был на шаг впереди. Но всего на шаг. В семь без пяти он уже стоял у тяжелой двери кабинета Лувуа в Трианоне. Его впустил секретарь. Кабинет был аскетичен: большой стол, заваленный картами и бумагами, стеллажи с книгами, несколько стульев. За столом сидел Лувуа. Он был невысок, коренаст, с тяжелым, умным лицом и пронзительными глазами, которые сразу устремились на Этьена, будто взвешивая, оценивая,

просверливая насквозь. Он не стал кричать или говорить медленно. Он просто произнес, четко артикулируя: «Вы хотели показать мне узор, мастер Этьен?» Этьен подошел к столу, развернул кальку, положил ее перед министром. Его руки дрожали. Он взял свой блокнот и карандаш. И начал писать, быстро, сбивчиво, выводя крупные буквы: «Ваше Превосходительство, это предлог. Я глухонемой. Я читаю по губам. Три дня назад в комнате рядом с покоями Бонтана я видел и «услышал» герцога д'Омара и неизвестного финансиста. Они говорили об истощении казны, недовольстве королем, наследнике, о «других» с правом на кровь. О поставках оружия из Льежа. Я считаю, это заговор». Он перевернул лист и продолжил: «Мне заказали переплести старый дневник, связанный с делом Сен-Мара. Я видел, как Бонтан смотрел на меня после того разговора. Они могут заподозрить, что я все понял. Я прошу защиты и совета». Закончив, он отодвинул блокнот к Лувуа. Тот прочитал. Его лицо не изменилось. Ни одна мышца не дрогнула. Он поднял глаза на Этьена, и в них не было ни удивления, ни недоверия. Была лишь холодная сталь внимания. Он медленно разорвал исписанные листы из блокнота на мелкие кусочки, подошел к камину, где тлели угли, и бросил их в огонь. Потом вернулся к столу. Его губы сформировали новые слова, размеренные и страшные в своей ясности: «Герцог д'Омар. Льеж. Наследник. Это серьезно. Бонтан... интересно. Сен-Мар – старый ключ, которым кто-то пытается открыть новую дверь. Вы поступили правильно, мастер Этьен. Ваша тишина оказалась красноречивее тысяч доносов». Он помолчал, глядя на тлеющие в камине бумаги. «Они, конечно, последуют за вами. Или уже. Вы должны вернуться в свою мастерскую и вести себя как обычно. Никакой паники. Продолжайте работать. Слушайте... глазами. Запоминайте все. Каждое лицо, каждое слово. Особенно о финансах, о передвижениях войск, о здоровье Дофина. У вас есть чернила и бумага для эскизов?» Этьен кивнул. «Хорошо. Записывайте все, что увидите, в виде эскизов переплетов, орнаментов. Используйте тайнопись, понятную только вам. Я найду способ связаться с вами. Будьте осторожны. Вы теперь мой человек в тишине. И помните, мастер Этьен», – он снова пристально посмотрел на него, – «самое опасное в заговоре – не те, кто говорит. А те, кто слушает. Особенно если их считают неспособными услышать». Он кивнул, давая понять, что аудиенция окончена. Этьен вышел, чувствуя, как на его плечи легла неподъемная тяжесть. Он был больше не просто свидетелем. Он стал шпионом. Агентом Лувуа в самом сердце дворцовой тишины. И игра теперь велась не на жизнь, а на смерть. И первым ходом его противников, как он понял, выйдя в коридор и увидев того же молодого аббата, беседующего с гвардейцем у окна в дальнем конце зала, будет попытка навсегда замкнуть его в той самой тишине, из которой нет возврата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.